

да количественного смягчения в США позволили преодолеть кризис, не вызвав при этом инфляцию.

Оценивая концепцию ММТ с точки зрения социально-рыночного хозяйства, следует заметить, что идеи, выдвигаемые ее сторонниками, достаточно четко коррелируют с принципами социально-ориентированной рыночной экономики. Во-первых, обращает на себя внимание целевая функция благосостояния, задаваемая в ММТ — обеспечение полной занятости (а значит и устойчивости экономического роста). Социальная ориентированность ММТ в данном случае не подвергается сомнению. Во-вторых, важным является и то, какими методами предлагается обеспечивать реализацию этой функции. Речь идет об использовании концепции функциональных финансов, согласно которой, не денежно-кредитная, а налогово-бюджетная политика играет определяющую роль в сглаживании циклических колебаний и обеспечении полной занятости, независимо от того, каковы размеры бюджетных дефицитов у государства.

Вместе с тем, понятна осторожность представителей современного мейнстрима в экономической науке и в экономической политики относительно идей ММТ. Это связано с существованием в концепции ММТ ряда неточностей и неясностей. Например, пока нет четкой и убедительной модели, позволяющей оценить на реальных экономических данных, долгосрочные последствия политики, если бы в ее основу были заложены постулаты ММТ.

1. Моисеев С.Р. Хайп вокруг (не)денежной (не) теории / Вопросы экономики. 2019. № 9. С. 112 — 122.
2. Моисеев С. Закуска за наш счет / Эксперт. 2019. № 41. С. 38 — 43.
3. Тунев В. Современная денежная теория (Modern Monetary Theory): выводы для России. Выступление на II научно-практической конференции Северо-Западного главного управления Центрального банка РФ «Инфляционные процессы в России: вызовы и перспективы» 28.11.2019. Санкт-Петербург (https://docs.google.com/presentation/d/1_CHdYOMyFNyTOSPHhjOdTE88Mma_A3IPAKgmfFAwaU/preview?fbclid=IwAR3ZzUYm4WJSU9C77TRvqX410uBmTiRkeD8bKrrlVin-M1Mpl73KjQoNGIU&slide=id.i0)
4. Mitchell W. F., Wray L.R., Watts M. Macroeconomics. 1st edition. — 2019.

Пушкин Сергей Николаевич

доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Развитие христианской культуры в творчестве К. Н. Леонтьева

Развивая свои взгляды на христианскую культуру, К.Н. Леонтьев активно анализирует произведения Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Подвергая их критике (Достоевского в большей, Толстого в меньшей мере), он особенно негодует по поводу их понимания христианства. Критикуя Достоевского и Толстого за распространение «розового», как он утверждает, хри-

стианства, К.Н. Леонтьев усматривает в нем проповедь ненавистной ему религии любви, которая для него не лучше, чем «самая опасная ересь». А поэтому он активно противопоставляет «розовому» христианству «страх Божий», принуждающий в первую очередь заботиться о душе, а не о земной жизни. Ибо если Бог есть только Бог любви, то единственное начало земной жизни верующего, по Леонтьеву, — любовь к людям. Но «любовь этого рода, — многократно повторяет он, — превращается в нечто себе противоположное и уничтожает в людях единственно спасительную веру в трансцендентный мир, в который ведет христианина Церковь»[1], — пишет критически рассматривающий взгляды нашего мыслителя К.М. Аггеев, пожалуй, наиболее основательный из православного духовенства исследователь его творчества.

Исходя из этого, К.Н. Леонтьев убеждает, что христианство Достоевского и Толстого недостаточно православно. В «сочиненном» автором «Братьев Карамазовых» христианстве он не находит ничего похожего на афонскую или оптинскую действительность. Свято чтя катехизис Филарета, К.Н. Леонтьев явно опасается выйти за пределы его предписаний. И ставит отправление православных обрядов значительно выше выполнения нравственных норм. Неудивительно, что для него важнее sobriety пост, нежели следовать гуманистическим моральным предписаниям.

В этой связи К.Н. Леонтьев постоянно упрекает Достоевского и Толстого в сведении христианства к морали путем устранения собственно религиозного элемента. Русскую болезнь совести он явно не приемлет. Его идеи можно определить как «эстетический мятеж против обмещавившегося века». В.В. Розанов верно подмечает, что К.Н. Леонтьев «имел неслыханную дерзость, как никто ранее из христиан выразиться принципиально против коренного, самого главного начала, Христом принесенного на землю, — против кротости»[3]. Она, по убеждению Леонтьева, на земле не особенно нужна. Способствуя лишь возникновению и развитию духовного мещанства, кротость, так или иначе, может всех превратить в «неэстетичных Плюшкиных».

В творчестве Достоевского и Толстого К.Н. Леонтьева отталкивает отсутствие красоты и изящества, и этот недостаток, по его многочисленным утверждениям, в значительно большей мере был присущ Достоевскому. И если у Толстого его все же эстетически привлекают многие его литературные герои, то у Достоевского ему, как он неоднократно повторял, попадаются преимущественно «психозные» персонажи. Не менее сложное отношение сложилось у К.Н. Леонтьева и к творчеству Гоголя.

С одной стороны, он воспринимает его как родоначальника отрицательного, натурального направления в нашей литературе, что его, конечно, не может не огорчать. С другой стороны, К.Н. Леонтьев необычайно остро ощущает, что Гоголь внес в русскую жизнь тему православной культуры. Стремясь соединить добро и красоту, мораль и эстетику, он обращается за помощью к религии. Ибо только она, по его мнению, способна благотворно

преобразовать «естественный строй человека», который в жизни так несовершенен и в котором так мало прекрасного. Поэтому тема морали, по его словам, хотя и стоит перед каждым, но твердой опоры в «строе души» не имеет. Именно эту трагическую несоединимость морального и эстетического, которую впоследствии ярко и талантливо развивает К.Н. Леонтьев, Гоголь и пытался примирить в православии.

Явно обеспокоенный тем, что он «среди России... почти не видел России», Гоголь с негодованием заявляет: «Все люди, с которыми я встречался, большею частью любили говорить о том, что делается в Европе, а не в России»[2]. Сам же он утверждает, что для него чужие края — это, прежде всего, место, откуда острее чувствуется любовь к России. К современной Европе, где, по его убеждению, преимущественно господствует пошлость, Гоголь относится весьма негативно. Во время же своих пребывания за границей он смог полюбить только Италию. Хотя в отличие от Леонтьева Гоголь никогда не высказывается о неизбежности скорого одряхления Европы, а заявляет только об утрате ею творческих сил, о нарастании в ней настроений апатии, безысходности.

Опасаясь разрушительного влияния религиозной неправды Европы на Россию и испытывая в этой связи негативные чувства к Западу, Гоголь, не отрекаясь, а скорбя о нем, как правило, ограничивается преимущественно критикой его религиозно-духовной немощи. И, тем не менее, К.Н. Леонтьев весьма высоко ценит Гоголя как православного мыслителя, который активно выступает против европейской буржуазной цивилизации. С подобного рода критикой он был, несомненно, согласен. Очевидно, что яркая самобытность России для К.Н. Леонтьева — проблема наиболее актуальная. Будущность России для него неразрывно связана с новой культурой, славяно-восточной цивилизацией, активно противостоящей надвигающейся из Европы эгалитарной буржуазной цивилизации. В отличие от своего предшественника Н.Я. Данилевского, славяне его интересуют во вторую очередь. Утверждая, что назначение России никогда не является «односторонне славянским», он главный центр своего внимания перемещает на Восток.

1. Аггеев К.М. Христианство и его отношение к благоустройству земной жизни. Опыт практического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. — Киев: Тип. «Петр Варский», 1909. — С. 193.
2. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями: Духовная проза. М.: Патриот, 1993. — С. 246.
3. Розанов В.В. Неузнанный феномен // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сборник. — СПб.: Тип. Сириус, 1911. — С. 182.

Рудюк Олег Григорьевич
аспирант МинДА